

В этот миг его руку крепко сжимал Шэнь Цихань, и сквозь соприкосновение ладоней Линь Цзичу всем телом ощущал его успокаивающее, живое тепло.

Он замер на полминуты, боясь пошевелиться, но в конце концов не выдержал и едва заметно повел кончиками пальцев. Словно крыло стрекозы, коснувшееся водной глади, он робко скользнул пальцами по ладони Шэнь Циханя. Кожа к коже — он мягко, почти невесомо погладил его подушечки пальцев, жадно впитывая спасительное тепло.

Линь Цзичу действовал крадучись, со всей осторожностью, на какую был способен. Он не смел позволить себе большего, безумно боясь, что Шэнь Цихань проснется и поймает его с поличным. Почти сразу застыв, юноша вновь прикрыл глаза. И как бы ни изнурял его недуг, сейчас он хотел лишь одного — раствориться в этой мимолетной, хрупкой тишине.

Он слишком хорошо понимал: стоит Шэнь Циханю открыть глаза, как иллюзия рассеется, и между ними вновь проляжет непреодолимая пропасть. Ему отчаянно хотелось подольше задержаться в этом зыбком, теплом прибежище, отбросив любые сомнения и страхи.

Но реальность диктовала свои условия. Измученный лихорадкой организм взял свое: стоило Линь Цзичу сомкнуть веки, как уже через пару минут он провалился в тяжелое, беспамятное забытие, упустив ускользающее ощущение чужого тепла.

Минуло еще немного времени, и Шэнь Цихань резко открыл глаза. Сев на постели, он потер затекшие, ноющие виски, недоумевая, как ухитрился задремать.

Бросив взгляд на настольные часы, он вспомнил, что проверял время всего полчаса назад. Выходило, что сон сморил его от силы минут на пятнадцать-двадцать.

Давала о себе знать прошлая бессонная ночь — усталость взяла верх, и он сам не заметил, как погрузился в дрему.

Отмахнувшись от лишних мыслей, он повернулся к Линь Цзичу.

Младший все еще спал, но теперь его щеки больше не пылали лихорадочным румянцем — цвет лица почти пришел в норму. Шэнь Цихань осторожно коснулся его лба, проверяя температуру. Кожа была прохладной. Напряжение, терзавшее его все это время, наконец немного отпустило.

И все же, пока Линь Цзичу не открыл глаза, Шэнь Цихань не мог успокоиться до конца.

Он завороченно созерцал спящего юношу, совершенно не замечая яростного воя стихии за окном.

Бешеные порывы ветра бились в стены, словно задавшись целью сорвать с отеля крышу, и не

думали утихать.

Разгул тайфуна пугал своим масштабом. Окажись Шэнь Цихань у окна, открой он плотные шторы — увиденное наверняка заставило бы его содрогнуться.

Но буря могла ломать деревья и крушить стены — Шэнь Циханю не было до нее дела. Весь его мир сейчас сузился до человека на постели, а внешние тревоги просто перестали существовать.

Он дышал и жил заботой о нем одном, отгородившись от всего человечества.

В тихом ожидании незаметно пролетели еще полчаса, но он так и не разомкнул пальцев, продолжая крепко держать Линь Цзичу за руку.

Пожалуй, лишь в такие редкие мгновения он позволял себе забыть обо всем: о косых взглядах, пересудах, о глухом сопротивлении самого Линь Цзичу и о той бесконечной череде преград, что выросла в его собственном сердце.

Только сейчас он мог пойти на поводу у собственных желаний. Пусть неправильно, пусть эгоистично — в эту минуту в нем проснулась небывалая, слепая жадность. Она заставила вычеркнуть из памяти старые грехи и ошибки ради того, чтобы безраздельно владеть этим моментом.

Ему хотелось большего, чем просто сжимать его ладонь. Безумно тянуло обнять за талию, притянуть к себе и спрятать в объятиях, заставив наконец почувствовать всю глубину своей любви. Показать, до какого безумия, до какой дрожи он боится его потерять.

Без Линь Цзичу его жизнь превращалась в медленное угасание. Он чувствовал себя безнадежно больным последние два года — ровно столько, сколько томился без своего единственного лекарства. И теперь, когда спасительное снадобье вновь чудесным образом оказалось рядом, он не мог заставить себя отвернуться.

Он так долго и пристально разглядывал бледные, осунувшиеся черты лица Линь Цзичу, что полностью потерял счет времени. Шэнь Цихань настолько ушел в себя, что даже не сразу понял, когда тот открыл глаза.

Шэнь Цихань смотрел затуманенным взором, устремленным куда-то сквозь пространство, поэтому, когда Линь Цзичу наконец посмотрел на него, их взгляды разминулись совсем чуть-чуть.

— Учитель... Шэнь...

Линь Цзичу шевельнул сухими губами, исторгнув из груди слабый, хриплый шепот. И пускай

звук вышел едва различимым, он мгновенно вырвал Шэнь Циханя из плена тяжелых раздумий.

— Ты проснулся? — Шэнь Цихань тут же мягко улыбнулся. — Как себя чувствуешь?

— Вроде... лучше... — голос Линь Цзичу звучал на удивление слабо и хрипло. Юноша попытался улыбнуться в ответ, но у него попросту не осталось сил — даже короткая фраза далась ему с колоссальным трудом.

Зато он отчетливо ощущал, как Шэнь Цихань продолжает сжимать его ладонь. Линь Цзичу изо всех сил сдерживал порыв опустить взгляд на их переплетенные пальцы, панически боясь, что одно лишнее движение разрушит это хрупкое, неосязаемое волшебство.

И пусть разум твердил, что рано или поздно руки придется разомкнуть, каждая подаренная секунда казалась ему бесценной милостью судьбы.

Тишина в комнате затянулась на добрый десяток секунд, прежде чем Шэнь Цихань наконец принял решение.

— Позову-ка я врача, — негромко произнес он.

— Не стоит... — Линь Цзичу едва заметно качнул головой. Из-за слабости в его тихом голосе проскользнули мягкие, жалобные нотки. — Мне правда гораздо лучше. Не нужно его беспокоить, я просто еще немного полежу...

— Нет, пусть осмотрит и все проверит, — мягко, но непреклонно возразил Шэнь Цихань, отменяя любые протесты. — И никаких «беспокоить». Раз заболел, ложись и лечись как положено.

Поднимаясь с постели, Шэнь Цихань все же выпустил его ладонь, как бы трудно это ни было.

Ему самому безумно не хотелось прерывать этот безмолвный контакт, но здоровье Линь Цзичу сейчас было превыше любых эгоистичных желаний.

Линь Цзичу провожал взглядом каждое его движение, решив, что мужчина собирается лично спуститься за доктором. Мысль о том, что через мгновение он останется в этой огромной комнате один, заставила его сжаться.

Тревога вновь колыхнулась в груди; он напряженно следил за каждым шагом Шэнь Циханя, боясь упустить его из виду даже на долю секунды.

К облегчению юноши, Шэнь Цихань не стал уходить. Он лишь потянулся к прикроватной тумбочке, взял свой мобильный и набрал номер доктора.

Линь Цзичу украдкой скользнул взглядом по его сосредоточенному лицу, а затем поспешно опустил взгляд, уходя в собственные мысли.

Быстро объяснив ситуацию, Шэнь Цихань завершил звонок. Вскоре доктор уже стоял у постели Линь Цзичу. Проведя осмотр, он подтвердил, что жар окончательно спал, однако настоятельно порекомендовал соблюдать постельный режим и, следуя извечному медицинскому совету, пить как можно больше теплой воды.

Проводив доктора до двери, Шэнь Цихань тут же вернулся к постели больного.

Линь Цзичу уже окончательно пришел в себя, и это порождало новую трудность: невидимые границы между ними мгновенно восстановились. Теперь они не смели позволить себе ни лишних жестов, ни неосторожных слов.

Из короткой беседы с врачом перед его уходом Линь Цзичу с удивлением узнал, что Шэнь Цихань не отходил от него со вчерашнего вечера.

Юноша не мог знать наверняка, провел ли мужчина в его спальне всю ночь напролет, однако то, что утром он обнаружил его спящим прямо у своего ложа, говорило само за себя: Шэнь Цихань оберегал его покой до самого рассвета.

В памяти о вчерашнем дне зияла пустота. Линь Цзичу оставалось лишь малодушно надеяться, что он не доставил Шэнь Циханю слишком много хлопот и, что куда важнее, не наговорил в бреду лишнего.

— Простите за хлопоты, Учитель Шэнь... Спасибо вам.

Шэнь Цихань промолчал. Он лишь продолжал пристально, не мигая, смотреть на него. Под этим тяжелым взглядом сердце Линь Цзичу заколотилось как сумасшедшее. Ему почудилось, будто в глубине зрачков Шэнь Циханя вспыхнуло какое-то яростное, обжигающее пламя, отголоски которого заставили его собственное тело согреться изнутри.

Ему оставалось лишь судорожно убеждать себя, что это просто возвращается недолеченная лихорадка, а вовсе не малодушная реакция на чужую близость.

— Пустяки, — наконец ответил Шэнь Цихань.

Ответ прозвучал сухо и отстраненно, а мужчина окончательно перестал улыбаться, и его лицо стало маской холодного спокойствия.

В спальне повисло тягостное, удушливое молчание. Линь Цзичу шевельнул губами, но так и не нашел нужных слов. Его не покидало гнетущее чувство, что он чем-то рассердил Шэнь Циханя, вот только истинная причина ускользала от него. Неужели дело было в банальной

благодарности?

Находясь в одном пространстве, они оба были бесконечно далеки друг от друга, погруженные в собственные терзания. Линь Цичу тщетно пытался разгадать чужие мысли, в то время как Шэнь Цихань мысленно бичевал себя за неуместную досаду.

«Кем я себя возомнил? Какое право я имею злиться? Кто я вообще такой для Линь Цичу, чтобы высказывать недовольство?»

Ливень за стенами отеля зашумел с новой, неистовой силой. Ураганный ветер швырял пригоршни воды в оконные стекла, и этот грохот напоминал раскаты грома, предвещающие скорую катастрофу. Оглушительный шум заставил Линь Цичу вздрогнуть и очнуться от невеселых мыслей. Он удивленно уставился на окно, плотно зашторенное тяжелыми портьерами.

В следующую секунду тихий, слегка надтреснутый голос Шэнь Циханя вернул его к реальности.

— Сяо Линь, еще рано, только начало десятого. Может, поспишь еще немного?

Стоило вопросу сорваться с губ, как Шэнь Циханя обожгло раскаяние. Он мысленно проклял собственную глупость: о каком сне могла идти речь, когда на улице творилось настоящее безумие?

Однако реакция Линь Цичу превзошла все ожидания. Шэнь Цихань приготовился услышать тихое «не спится», но вместо этого младший превозмог слабость, выдавил вымученную улыбку и послушно кивнул.

— Хорошо.

— Вот и славно, засыпай, — Шэнь Цихань замялся, чувствуя, как слова даются все труднее. — А если не получится... хочешь, я попробую спеть тебе, как раньше?..

Какое безумное мужество подтолкнуло его озвучить это предложение? Шэнь Цихань и сам поразился собственной дерзости, едва фраза сорвалась с его губ.

При слове «спеть» Линь Цичу замер, его дыхание перехватило, а сердце испуганной птицей забило о ребра, готовое вот-вот выскочить из груди.

Песня... То было их общее, затерянное в тумане прошлого воспоминание. И теперь, когда Шэнь Цихань после стольких месяцев отчуждения вновь заговорил об этом, Линь Цичу почувствовал, как рушатся последние преграды в его душе, а израненное сердце пускается в безумный, неудержимый пляс.

<http://bllate.org/book/18328/1866231>